

Библиотека Всемирной Литературы

АРКАДИЙ АВЕРЧЕНКО

Рассказы

Аркадий Тимофеевич Аверченко

Случай из жизни

*Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=619485*

Аннотация

«Некоторые критики упрекают меня в том, что я никогда не описываю действительной жизни, а «выдумываю из головы» сюжеты своих рассказов.

Ну хорошо.

Ну, вот этот рассказ я наконец решил написать не «из головы»; я решил добросовестно передать все, ничего не преувеличивая, не преуменьшая, – всю ту адски перепутанную нить действительной жизни, рассмотрением которой я был занят вчера. ...»

Содержание

Аркадий Аверченко	4
I	5
II	10

Аркадий Аверченко

Случай из жизни

Некоторые критики упрекают меня в том, что я никогда не описываю действительной жизни, а «выдумываю из головы» сюжеты своих рассказов.

Ну хорошо.

Ну, вот этот рассказ я наконец решил написать не «из головы»; я решил добросовестно передать все, ничего не преувеличивая, не преуменьшая, – всю ту адски перепутанную нить действительной жизни, рассмотрением которой я был занят вчера.

Да и сегодня тоже занят (вот – пишу).

I

Едва я спустился вчера, в 3 часа дня, в низок кавказского ресторанчика, как сразу же увидел толстого смуглолицего человека, сидевшего в углу с понуренным видом.

Мы узнали друг друга.

– Ага! – улыбнулся я. – Живы, здоровы? Вы меня помните?

– Еще бы! Если бы не вы, до сих пор пришлось бы мне сидеть «за въезд в магазин на автомобиле через оконное стекло». Что говорить – шофер я плохой.

Я познакомил пришедшего со мной товарища с «шофером», и мы, усевшись за соседним столиком, дружески разговорились.

– Со мной всегда какие-нибудь дурацкие истории случаются, – с невыразимо печальным видом признался этот человек. – То я на автомобиле в магазин въеду, то меня в театре ночью забудут и запрут, то я прыгаю в реку, чтобы спасти гладильную доску, похожую, по моему мнению, на погибающего.

Он огляделся и наклонился к нам с загадочным видом:

– А теперь... Вы знаете что? Ко мне покойник стал являться.

– Ну? – удивились мы, тоже понизив голос до шепота. – Является? Ночью?

– Да нет, не ночью. Днем.

– Что вы говорите! – удивился я. – Что за странное существо! Днем пугать человека...

– Да он меня не пугает. Он триста рублей требует.

– Какая меркантильность! За что же это он?

– За гроб и за ногу. Никакой у людей благодарности.

Мы из деликатности постеснялись начать расспросы, но он сам спросил, вздыхая:

– Рассказать?

– Конечно, конечно. Это очень... любопытно. Настоящий покойник, являющийся днем...

– Да он, как бы сказать... не настоящий. Был действительно покойник, а потом... Прямо-таки суцкая чепуха!

– Ну? Ну?

– Вы знаете, где я служил последнее время?

– Вероятно, при посольстве? – высказал вежливое предположение мой товарищ.

– Да, как же! Держите карман шире... То есть так мне не повезло, так не повезло, что просто ужас. Подумать: учился я в свое время в гимназии, окончил три класса и дошел до того, что последнее время служил вагоновожатым трамвая!!

– Какая трагедия! – вздохнул мой товарищ. – Ну?

– Видите ли, я больше привык к интеллигентному труду. Шофер я плохой и вагоновожатым был препаршивый. Вместо того чтобы следить за своим делом, я считал количество окон в домах, старался обгонять, ради спорта, экипажи или

читал вывески наоборот.

– Как это? – заинтересовался мой товарищ.

– А так: написано, например, «Магазин Бурцева», а наоборот читаешь: «Авецруб нипзагам».

– Авецруб низагам, – прошептал я. – Это действительно замечательно. Забавно! Онвабаз...

– Чего?

– Онвабаз! Забавно.

– Да, да. Так вот я и говорю: вместо того чтобы дело делать, я ворон считал. Ну вот... Недавно еду – вдруг из-за угла погребальная процессия. Эх, думаю, успею проскочить. Трах! Что же вы думаете?! Вагон мой налетает на катафалк, гроб с покойником летит на рельсы, вагон наскакивает на гроб – и не успевают никто оглянуться, как гроб – на куски, а покойнику колесом кусочек ноги отхватило... Да вот, не они ли это сюда ковыляет?

Мы в ужасе вскочили и обернули лица к дверям, в которые кто-то вошел.

– Нет, не он! Да уж вы не беспокойтесь... Он явится, проклятый! И здесь меня найдет. Притащится!

– Амус лешос, – сказал я своему другу, из деликатности затемнив фразу.

Но опытное ухо бывшего вагоновожатого уловило смысл этих слов.

– Ничего я не сошел с ума. Вот увидите – явится! Слушайте же, что дальше было. Едва только колесо наехало на

лапу покойника, как он зашевелился, задержал руками – и ну орать что есть мочи! Эти дураки доктора так и не разглядели, что усопший-то спал в летаргическом сне.

– Изумительный случай! – ахнули мы.

– Ничего не изумительный. Самый обыкновенный. Говорю же я вам: со мной каждый день что-нибудь подобное случается.

– Что же дальше было?

– Ничего хорошего. Факельщики, разумеется, удрали, лошади с катафалком умчались вскачь – потеха! – а родственники этого летаргического на меня же набросились и давай меня костить, как самого последнего человека.

– За что же? – удивился мой товарищ. – Ведь вы прямо-таки воскресили мертвеца!

– То-то и оно. Я говорю то же самое. А он ко мне потом пристал: зачем гроб поломал? Зачем ногу попортил?

Вагоновожатый погладил усы и свесил голову на грудь с видом злейшего меланхолика.

– Теперь вот ходит ко мне. Триста рублей требует. Трамвайное общество отвертелось с помощью своих адвокатов... а у меня адвокатов-то нет. Что я теперь буду делать? Ходит и ходит этот колченогий. Каждый день ходит. Я, говорит, через тебя трудоспособность потерял.

– А вы бы ему указали на то, что если бы не вы – так бы его живого и закопали в могилушку.

– Да говорил я ему! Уперся, как бык: не твое дело, гово-

рит. Может быть, я и без тебя бы, когда речи над гробом начали говорить – проснулся бы. И ноги, говорит, были бы целы. Я, говорит... А чтоб тебя на том свете так таскало! Слышите? Идет! Я уж по костылю слышу. Пронюхал, что я здесь! Опять будет тут нюнить, падаль этакая!

Действительно, со стороны входа до нас донесся отчетливый стук костыля о каменный пол.

Он приближался и приближался...

II

Покойник выглядел еще не старым мужчиной, с желтым лицом и брезгливо выдвинутой нижней губой. Под мышкой он держал костыль. Голос имел скрипучий, ворчливый.

– А! Вот оно что! Вы тут вина распиваете, шашлыками закусываете – лучше бы денежки мои отдали. А приятелей шашлыками пичкать можете тогда, когда свободные деньги будут.

– Эй, вы там – потише! – грубо крикнул я. – Чего вы пристаёте к этому почтенному человеку? Что вам надо?

– А это вы видели? – указал он на ногу. – Тоже они мастера людей зря калечить.

– «Людей», – презрительно расхохотался вагоновожатый. – Тоже человек выискался! В гробу по улицам раскатывает.

– Все равно, брат! Давить никого не полагается.

– Если вы покойник, так нечего ко мне приставать, а если не покойник, то сами могли бы лошадьми править. Небось я звонки-то давал.

– Ну так что ж, что давал?

– А вы разлеглись и в ус не дуете. Трамвая нужно остерегаться.

Последнюю фразу вагоновожатый произнес крайне нравоучительно.

– Вы, братец мой, рассуждаете, как глупый человек: если бы я мог сам править катафалочными лошадьми, кто бы, какой бы дурак повез меня на кладбище.

– Ну а если вы покойник, то и нечего было просыпаться!

– Я не виноват, что у меня летаргический сон. А вы уж обрадовались, думаете – всякого летаргического можно трамваем давить?

– «Триста рублей», – пожал плечами вагоновожатый. – А то, что меня со службы выгнали и жалованье в штраф удержали – это кто мне заплатит?

– Виноват, – перебил мой товарищ, очень рассудительный человек. – Скажите, господин вагоновожатый, а если бы вы налетели на настоящего покойника, – вас бы тоже уволили?

– В том-то и дело, что тогда бы не уволили! Мало ли какой человек на погребальную процессию наехать может. А тут уволили за то, что живого человека изувечил. Все-таки – скандал, разговоры!

– В таком случае, милостивый государь, – серьезно сказал мой товарищ, обращаясь к покойнику, – вы сами виноваты во всем происшедшем. Вам не нужно было просыпаться. Вы сами понимаете – небольшая беда, если покойника немножко изувечат. А вы сделали очень некрасиво – к рельсам подъехали, крадучись, втихомолку, как покойник, а потом, когда вас, так сказать, вышибли из седла, вы подняли крик, подчеркнув этим, что пострадали как живой человек. Неудобно-с.

– Ну хорошо. Если даже так, – согласился покойник после долгого размышления. – А гроб-то он все-таки поломал? Гроб-то тоже денег стоил?

– Но ведь он вам сейчас не нужен?!

– Да ведь когда-нибудь понадобится?

– Тогда он вам его и купит.

Бывший покойник обернулся к вагоновожатому:

– Купишь?

– С удовольствием!

– Ну то-то. Ты хоть бы вином-то меня угостил. А то одни от тебя только неприятности,

– Сделайте одолжение!

Восхищенный красноречием моего товарища, покойник развеселился, и даже легкое подобие улыбки – как солнце сквозь облака – прорезало его лицо.

– За здоровье новорожденного! – провозгласил мой товарищ.

– Нogu он мне только попортил – вот жалко!

– Ничего! Одни появляются на свете божем без зубов и волос, другие без ноги – такова воля Зиждителя.

– Ура! – крикнул вагоновожатый:

Было весело.

Между моим товарищем и покойником наметился уже легкий абрис будущей дружбы.

Когда мы, расплатившись, неуверенно брели по узенькой улице, я сказал вагоновожатому на его обратном языке:

– Акчинйоккоп иламолу! Ех-ех!

– Обисапс, – с чувством ответил вагоновожатый, пожимая мне руку...

Вот вам и жизнь!

Ей-богу, ни одного слова не прибавил, не убавил. Честное слово.